

Ложь и правовая определенность

Анализируется принцип правовой определенности, проводится сравнение с одним из аспектов последнего – с *res judicata*. Утверждается, что правовая определенность – это более широкое понятие, а соответствующий принцип призван гарантировать стабильность и является, в свою очередь, элементом принципа верховенства права. Однако принцип правовой определенности, берущий корни из аксиомы римского права о том, что судебное решение должно приниматься за истину, не имеет цели превращать ложь в истину. Поэтому если решение основывается на лжи – намеренном искажении фактов и представлении сфальсифицированных доказательств, то это должно рассматриваться как злоупотребление правом и суд должен отказать в защите такого права. Ложь не создает правовой определенности. Лицо, скрывающее информацию от суда или искажающее ее, должно понимать, что вскрытие этого факта само по себе лишит его возможности ссылаться на *res judicata*. Делается вывод, что там, где суд не смог восстановить нарушенное право, поверив лжи, не может быть правовой определенности.

Ключевые слова: правовая определенность; принцип правовой определенности; *res judicata*; принцип окончательности судебного решения; верховенство права; ложь; обман; злоупотребление правом; заведомо ложные факты; фальшивые доказательства.

Что основано на лжи,
не может быть правом.
К. Победоносцев

В российской юридической литературе правовая определенность чаще всего соотносится с правовыми позициями ЕСПЧ, в которых говорится, что «правовая определенность предполагает уважение *res judicata* (принципа окончательности судебных решений), который означает, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и обязательного решения с той лишь целью, чтобы получить возможность нового разбирательства и вынесения нового решения». Существуют различные подходы к толкованию *res judicata* [17]. В то же время правовая определенность более широкое понятие.

Принцип правовой определенности имеет своей целью обеспечить участников соответствующих отношений возможностью точно спрогнозировать результат своих действий и в том числе дать надежду, что права данных лиц будут защищены, что при разрешении спора действия правоприменителя также будут прогнозируемы и предсказуемы и не будут меняться от случая к случаю и от региона к региону. Этот принцип призван гарантировать стабильность. Судебная система, стремящаяся выполнять стабилизирующую функцию, создавать уверенность в справедливости и надежности законов, объективности и предсказуемости правосудия, также работает на принцип правовой определенности, который, в свою очередь, является элементом принципа верховенства права [10].

ЕСПЧ, оценивая судебные толкования, неоднократно разъяснял, что «для совместимости судебного толкования с требованиями Конвенции необходимо, чтобы его результаты соответствовали природе правонарушения, а решения суда были разумно предсказуемы»¹, поскольку судебные толкования также обеспечивают

* Айдар Рустэмвич Султанов, начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования (г. Нижнекамск).

¹ S. W. против Соединенного Королевства от 22.11.1995 г., п. 36; Кокинакис против Греции от 25.05.1993 г., п. 52.

правовую определенность – предсказуемость судебных решений для лиц, участвующих в деле.

Таким образом, *res judicata* – это лишь одна грань принципа правовой определенности, который является только одним из элементов принципа верховенства права.

Мы сами неоднократно [13; 14; 7; 5] ссылались на правовые позиции Европейского суда по правам человека, согласно которым «одним из основополагающих аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который, среди прочего, требует, чтобы принятое судами окончательное решение не могло быть оспорено. Правовая определенность подразумевает недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела» [6; 8; 15].

Однако очевидно, что принцип правовой определенности, берущий корни из аксиомы римского права – *res judicata pro veritate habetur* (судебное решение должно приниматься за истину), – никогда не имел цели превращать ложь в истину.

Безусловно, лицо, которое пошло на ложь в суде, не может и не должно рассчитывать на то, что решение, основанное на лжи, не будет пересмотрено. Полагаем, что лицо, которое пошло на обман, самым фактом обмана поставило себя в положение, при котором вскрытие обмана лишит его всех преимуществ, полученных им благодаря лжи, в том числе подвергнет риску отмены решения, основанного на лжи.

В Древнем Риме было известно, что *fraus omnia corrumpit* (ложь разрушает все). В том числе и судебные решения также разрушаются ложью, лишая их свойства неоспоримости. Можем вспомнить пример, приведенный в кн. 49 «Дигест» Юстиниана: «Ульпиан... в 14-й книге “Комментариев к эдикту” ...Если по поводу завещания предъявлен иск по тайному соглашению, то следует рассмотреть, имеет ли силу решение судьи. И божественный Пий в ответ на жалобу на то, что связанные между собой лица по тайному сговору действовали во вред легатариям и вольноотпущенникам (по завещанию), разрешил последним подать апелляцию. И сегодня мы пользуемся тем правилом, что они могут подавать апелляцию, а также вести дело у того самого судьи, который рассматривает [вопрос] о завещании, если они подозревают, что наследник ведет дело недобросовестно».

Несколько лет назад мы в жалобе в Конституционный Суд РФ, оспаривая положения АПК РФ, ограничивающие подачу жалоб для лиц, не привлеченных к рассмотрению дела², писали, что «...помимо обязанности суда верно определить состав лиц участвующих в деле, определенными процессуальными правами и обязанностями обладают и лица, участвующие в деле. Понимая, что решение затрагивает права лиц, не участвующих в деле, и не предпринимая никаких мер для их привлечения к рассмотрению дела, лица, участвующие в деле, не вправе рассчитывать на то, что судебное решение создаст правовую определенность, защищаемую принципом “*res judicata*”» [9]. В данной жалобе мы оспаривали процессуальные сроки, которые также служат правовой определенности, но не должны быть средством для торжества неправовой определенности и несправедливости [9].

---

² Конституционный Суд РФ согласился с нашим подходом и в Определении № 234-О-П от 16.01.2007 указал, что «взаимосвязанные положения ч. 2 ст. 117 и ч. 2 ст. 276 АПК Российской Федерации – по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм действующего арбитражного процессуального законодательства и с учетом правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 17 ноября 2005 года, – не предполагают отказ в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного срока подачи кассационной жалобы лишь по причине истечения предусмотренного ими предельно допустимого срока подачи соответствующего ходатайства лицам, не привлеченным к участию в деле и узнавшим о решении арбитражного суда по истечении шести месяцев с момента его вступления в силу».

ЕСПЧ, ратуя за правовую определенность, сам защищается от лжи – в формуляре для обращения в ЕСПЧ заявитель заверяет, что вся изложенная в жалобе информация является достоверной с учетом его осведомленности на момент подписания жалобы. Более того, существует обширная практика ЕСПЧ, трактующая намеренное искажение фактов и представление ЕСПЧ сфальсифицированных доказательств злоупотреблением правом по смыслу п. 3 ст. 35 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Европейский суд неоднократно подчеркивал недопустимость указания в жалобах и состязательных документах заведомо ложных фактов, а также представления фальшивых доказательств. Если Европейский суд обнаруживает, что жалоба намеренно основана на фактах, не соответствующих действительности, или в подтверждение представлены сфальсифицированные доказательства, жалоба отклоняется со ссылкой на злоупотребление правом по смыслу п. 3 ст. 35 Конвенции [1].

Более того, жалоба может быть отклонена ввиду злоупотребления правом, если при описании фактов упущены или искажены важные для правильного разрешения дела обстоятельства. Непредставление стороной документов (информации), существенно влияющих на правовую оценку обстоятельств, важных для правильного рассмотрения дела, расценивается Европейским судом как злоупотребление правом по смыслу п. 3 ст. 35 Конвенции³.

В случае нарушения заявителем обязанности, установленной в п. 6 ст. 47 Регламента Европейского суда, об уведомлении Европейского суда о любом изменении важных для разрешения дела обстоятельств, Европейский суд отклоняет жалобу ввиду злоупотребления правом по смыслу п. 3 ст. 35 Конвенции⁴.

Полагаем, что убедительной иллюстрацией последствия использования лжи в процессе может быть Постановление Европейского суда по правам человека от 6 июля 2006 г. по делу «Жигалев (Zhigalev) против Российской Федерации» (жалоба № 54891/00).

Данное дело было начато в ЕСПЧ по интересному правовому вопросу об ограниченности статуса третьего лица в судебном разбирательстве, инициированном прокурором, в частности о невозможности заявить о применении заявления о сроке давности.

По нашему мнению, установление сроков давности также направлено на внесение правовой определенности [11]. Впрочем, это не только наша точка зрения; так, профессор Г. Ф. Шершеневич писал: **«Действительное основание давности заключается в том, что общество нуждается в прочном порядке и всякая неопределенность отношений, способная колебать приобретаемые права, возбуждает против себя протест. На этом основывается ограничение собственника при строгом осуществлении его права собственности в торговом обороте, на этом же основывается и давность. С течением времени утрачиваются доказательства, умирают свидетели; и возбужденный через много лет спор способен нарушить целый ряд установившихся отношений. По воле законодателя время прекращает такую неопределенность»** [18, с. 241; 16].

Первое впечатление при ознакомлении с Решением ЕСПЧ о приемлемости было связано с тем, что прокурор подал заявление в суд, указав Жигалева в качестве третьего лица, с целью обойти право последнего на заявление срока давности.

Но когда мы знакомимся с текстом Постановления ЕСПЧ, то увидели в одном из пунктов, что заявитель Жигалев в своем интервью курской газете «Друг для друга» (номер от 22 февраля 2005 г.) утверждал: «Когда я только составлял заявление, “добрые люди” советовали: мол, где ты видел, чтобы кому-нибудь уда-

³ См. Решения ЕСПЧ по делам Al-Nashif and others v. Bulgaria; Kerechashvili v. Georgia [1].

⁴ Решение ЕСПЧ Hadrabova and others v. the Czech Republic [1].

валось обмануть государство? Видимо, так же думали и представители России в Суде».

Власти Российской Федерации подчеркнули, что никто никогда не пытался оспорить долю Жигалева в крестьянско-фермерском хозяйстве «Луч». Напротив, именно Жигалев пытался захватить имущество других членов хозяйства, которое никогда ему не принадлежало.

В процесс в качестве третьей стороны вступили также члены крестьянско-фермерского хозяйства «Луч», которые утверждали, что причиной различных споров между ними и Жигалевым являлся тот факт, что Жигалев считал себя единственным владельцем имущества крестьянско-фермерского хозяйства «Луч», а других членов хозяйства – наемными работниками, что в действительности не имело оснований. Жигалев не позволял другим членам хозяйства принимать участие в управлении хозяйством и распределять доходы хозяйства. Фермеры неоднократно направляли жалобы прокурору Курской области на нарушения Жигалевым их прав.

Члены крестьянско-фермерского хозяйства «Луч» утверждали, что целью подачи Жигалевым жалобы в Европейский суд было завладение землей, принадлежащей другим членам хозяйства. Его жалоба не имела оснований ни по вопросам фактов, ни по вопросам права и, соответственно, должна быть отклонена.

ЕСПЧ в данном деле вначале пришел к выводу, что нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции отсутствовало, а затем сделал вывод о том, что поскольку у заявителя не было права на имущество, подлежащего защите, то и право его на суд не было нарушено⁵.

В качестве одного из примеров того, что ЕСПЧ ставит справедливость выше принципа правовой определенности, можно привести Решение ЕСПЧ от 23 марта 2006⁶ о восстановлении в списке жалоб, ранее исключенных решением ЕСПЧ по делу «Алексенцева и 28 других против России» (жалобы № 75025/01, 75026/01, 75027/01, 75028/01, 75029/01, 75030/01, 75031/01, 75032/01, 75033/01, 75034/01, 75035/01, 75036/01, 75037/01, 75038/01, 75136/01, 76386/01, 76542/01, 76736/01, 77049/01, 77051/01, 77052/01, 77053/01, 3999/02, 5314/02, 5384/02, 5388/02, 5419/02, 8190/02 и 8192/02) от 4 сентября 2003 года. Из текста решения ЕСПЧ от 4 сентября 2003 видно, что ЕСПЧ расценивал заявление российских властей о выплате денежных средств, которые, по мнению властей, компенсируют материальный и моральный вред и все издержки заявителей, как одностороннее заявление. То есть заявление, которым власти берут на себя определенные обязательства независимо от волеизъявления других лиц. Из текста заявления российских властей можно было сделать вывод, что оно является односторонним заявлением, а не офертой к заявителям о заключении мирового соглашения.

Однако, как в дальнейшем выяснилось, это заявление о выплате денежных средств не было односторонним заявлением и порождало для заявителей возможность получения выплат только при условии подписания мирового соглашения, а в случае неподписания заявители не получали ничего. Полагаю, что ЕСПЧ был крайне удивлен таким толкованием и всё же надеялся, что российские власти выплатят указанные в заявлении суммы заявителям. По всей видимости, именно это и послужило основанием для проведения дополнительных консультаций

⁵ Обычно ЕСПЧ устанавливал нарушение ст. 6 Конвенции, а лишь потом ст. 1 к Протоколу № 1 к Конвенции.

⁶ Которое было подвергнуто критике, как допускающее отход от правовой определенности, в статье Ю. Ю. Берестнева и М. В. Виноградова «Практика Европейского Суда по правам человека: принцип правовой определенности или *quod licet jovi, non licet bovi?*» [2].

Очевидно, что ЕСПЧ с 2003-го по 2006 год надеялся, что заявители всё же получат обещанные денежные средства. Мягкость и тактичность формулировок в решении от 26 марта 2006, где ЕСПЧ писал:

«При вынесении Решения от 4 сентября 2003 г. об исключении настоящих жалоб Европейский суд отметил готовность властей Российской Федерации выплатить определенные денежные суммы заявителям в качестве компенсаций морального вреда, причиненного посредством длительного неисполнения судебных решений, вынесенных в их пользу. Однако власти Российской Федерации поставили выполнение своих обязательств в зависимость от отзыва заявителями своих жалоб и заключения мировых соглашений...», – отнюдь не означает, что ЕСПЧ не понимает, что с ним слугавили.

В конечном итоге, когда стало очевидным, что денежные средства не будут выплачены, жалобы были восстановлены в списке подлежащих рассмотрению [12].

Таким образом, вряд ли можно утверждать, что ложь порождает правовую определенность. Всякий обман вреден государству, так как без доверия «нравственная связь между людьми невозможна, а всякое правоотношение... вырождается» [3].

Очевидно, что лицо, скрывающее информацию от суда или искажающее ее, должно понимать, что вскрытие этого факта само по себе лишит его возможности ссылаться на *res judicata*.

ЕСПЧ неоднократно разъяснял, что «Конвенция в принципе позволяет возобновить рассмотрение окончательно разрешенного дела, если открыты новые обстоятельства. Например, статья 4 Протокола № 7 к Конвенции прямо позволяет государствам устранять ошибки при уголовном судопроизводстве. Приговор, в котором проигнорированы ключевые доказательства, также может рассматриваться как ошибка судопроизводства. Однако полномочия по пересмотру должны осуществляться в целях исправления грубых судебных ошибок или ошибок при отправлении правосудия, а не просто как “завуалированное обжалование”» [4].

В заключение напомним, что «правовая определенность» – это термин, который возник задолго до появления ЕСПЧ. В начале XX века профессор Т. М. Яблочков обращал внимание на то, что «нарушение права, а вовсе не “правовая определенность” есть исходная историческая идея необходимости создания суда, и никем не доказано, что эта идея в течение истории изменилась» [19].

Там, где суды не смогли восстановить нарушенное право, поверив лжи, не может быть правовой определенности.

Литература

1. Афанасьев Д. В. Обзор практики Европейского суда по правам человека по вопросу злоупотребления правом на подачу жалобы // Законодательство. – 2009. – № 6. – С. 62–71.
2. Берестнев Ю. Ю., Виноградов М. В. Практика Европейского суда по правам человека: принцип правовой определенности или *quod licet jovi, non licet bovi?* // Российская юстиция. – 2006. – № 11. – С. 64–68.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Теория права и государства. – М. : Зерцало, 2003. – С. 370.
4. Постановление ЕСПЧ от 18 января 2007 г. по делу «Булгакова (Bulgakova) против Российской Федерации» (жалоба № 69524/01). – URL: <http://www.iprossoft.ru/docs/?Nd=902115036>.
5. Султанов А. Р. Борьба за правовую определенность или поиск справедливости. – М. : М-Логос, 2017. – 664 с. – URL: <http://m-lawbooks.ru/index.php/product/a-r-sultanov-borba-za-pravovuyu-opredelennost-ili-poisk-spravedlivosti/?fbclid=IwAR0uHLPXKEQ5kx7Fyp2r-zqCSvtMmcppg2bcP9I-3bSLUKRLayNKNQ6tkeY> (электронный вариант доступен для бесплатного скачивания).
6. Султанов А. Р. Будущее системы защиты прав и свобод человека и Россия // Адвокатские вести. – 2010. – № 3-4. – С. 22–25.

7. Султанов А. Р. Восстановление нарушенных прав и правовая определенность // Российская юстиция. – 2011. – № 4. – С. 58–61.
8. Султанов А. Р. Защита прав и свобод человека и правовая определенность // Конституционные основы гражданского судопроизводства: современное состояние и пути совершенствования : сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов, посвященной 80-летию Саратов. гос. акад. права. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2010. – С. 54–57.
9. Султанов А. Р. О правах лиц, не участвующих в деле, и процессуальных сроках с точки зрения Конституции РФ // Адвокатская практика. – 2007. – № 5. – С. 17–22.
10. Султанов А. Р. Правовая определенность в надзорном производстве ГПК РФ и практика Конституционного Суда РФ // Право и политика. – 2007. – № 5. – С. 30–39.
11. Султанов А. Р. Правовая определенность и антимонопольное законодательство // Арбитражная практика. – 2007. – № 4. – С. 59–65.
12. Султанов А. Р. Правовая определенность и справедливость, или Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав... // Закон. – 2007. – № 9. – С. 157–164.
13. Султанов А. Р. Правовая определенность и судебное нормотворчество // Законодательство и экономика. – 2007. – № 11. – С. 39–45.
14. Султанов А. Р. Правовая определенность и уважение судебного решения, вступившего в законную силу, по делам об оспаривании действий государственных органов // Законодательство и экономика. – 2011. – № 8. – С. 53–64.
15. Султанов А. Р. Совершенствование ГПК РФ в свете решений Европейского суда по правам человека // Российский юридический журнал. – 2008. – № 6 (63). – С. 107–114.
16. Султанов А. Сроки давности в антимонопольном праве // Корпоративный юрист. 2009. – № 7. – С. 38–41.
17. Терехов В. В. Понятие и содержание категории «res judicata» в российском и зарубежном гражданском процессе // Российский юридический журнал. – 2014. – № 5. – С. 203–209.
18. Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. – М. : КонсультантПлюс : Статут, 2003. – 247 с.
19. Яблочков Т. М. Судебное решение и спорное право // «Недостаточное обоснование» требования (иска или возражения). – Петроград, 1915. – С. 36.

Aidar Rustemovich Sultanov,

Head of Legal Department of PJSC Nizhnekamskneftekhim,
member of Association for Better Living and Education (ABLE) (Nizhnekamsk)

A lie, and legal certainty

The paper analyzes the principle of legal certainty and compares it with one aspect of it – res judicata. The author argues that legal certainty is a broader concept and the principle aims to guarantee stability and is, in its turn, part of the rule of law. However, the principle of legal certainty, rooted in the axiom of Roman law that judgment must be made for the truth, has no purpose of turning lies into the truth. Therefore, if the decision is based on a lie – deliberate misrepresentation of facts and the presentation of falsified evidence, one should consider it an abuse of law and the court should deny the protection of such a right. Lying creates no legal certainty.

A person who hides information from a court or distorts it must understand that uncovering this fact will in itself prevent him from invoking res judicata. The author concludes that where the court has failed to restore the violated right by believing lies, there can be no legal certainty.

Keywords: legal certainty; principle of legal certainty; res judicata; principle of finality of judgment; rule of law; lies; deception; abuse of law; knowingly false facts; false evidence.